

Он не стал ничего скрывать и притворяться. Он предельно ясно дал понять: он сыт и вернулся обратно. Дошло до того, что двое других пленников заподозрили, не является ли это детской местью со стороны азиатского юноши.

Но это сработало.

Похитители никогда не станут по-доброму относиться к заложникам, обеспечивая им комфорт. С и вовсе уже убил двоих. Бандиты использовали пленников, чтобы шантажировать Федерацию, но эти люди не были незаменимыми. На самом деле Арнольд и Исер уже двое суток не видели ни капли воды.

Аппетит и похоть — самые низменные и базовые человеческие желания. В экстремальных условиях эти первобытные инстинкты способны превратить человека в нечто совершенно незнакомое. Характер Исера был более прямолинейным, чем у Арнольда: он в упор смотрел на маленького азиата, особенно на его живот, и ему даже чудилось, что он обладает рентгеновским зрением, позволяющим видеть, как вздымается при дыхании кожа под одеждой. Взгляд молодого мужчины был обнаженным, бесстыдным, сопровождаемым судорожными глотками.

Линь Хуайшэн чувствительно отвернулся.

Маленький слепец все лучше адаптировался, он научился мастерски использовать слух. Исер безошибочно поймал его взгляд. Линь Хуайшэн будто что-то почувствовал: плотно сжал губы, слегка выгнул спину и, пятясь, прижался к стене. Стена дала ему опору, а вместе с ней и храбрость. Этот обычно жалкий и пугливый азиат внезапно научился смотреть в ответ, пытаясь придать глазам свирепость, чтобы отпугнуть того, кто сидел напротив.

Как интересно.

Исер наконец-то по-настоящему взглянул на этого ягненка.

Он не любил овец, но обнаружил, что у ягненка может быть и другая сторона. У овцы могут вырасти твердые, закрученные в спираль рога, каждый виток которых был омыт кровью врагов. Исеру нравились такие боевые бараны, и было бы неплохо прямо сейчас устроить дуэль на арене.

Исер нетвердо поднялся на ноги.

Едва он сделал шаг, как его схватили за руку. Исер с раздражением цыкнул и обернулся.

— Исер, — серьезно произнес Арнольд, предостерегая его.

Арнольд решил, что Исер собирается ввязаться в драку. Даже если Исер выглядел избитым и

жалким, одного взгляда было достаточно, чтобы понять: Линь Хуайшэн все равно пострадает от его рук. Арнольд не хотел, чтобы ситуация продолжала катиться в бездну, и, будучи вынужденным обуздать этого дикого коня, он натянул поводья, чтобы тот не натворил безумств.

Исер снова посмотрел на Линь Хуайшэна в углу. Арнольд заметил направление его взгляда и сжал руку крепче. Арнольд был несомненно сильным мужчиной. Линь Хуайшэн почувствовал облегчение, когда С ослабил путы на его руках и ногах, но остальные оставались в плену: веревки глубоко врезались в кожу, и любое движение Арнольда отдавалось пыткой в конечностях. Чтобы удержать Исера, ему приходилось терпеть, как веревки вновь и вновь впиваются в его кровоточащие раны на запястьях.

— Какая принципиальность, Арнольд! — Исер насмешливо пропел это, оценивая праведность собеседника. Но Арнольд не удостоил его ответом.

На самом деле атмосфера между ними не была накалена до предела; двое мужчин, казалось, молчаливо контролировали грань дозволенного. Спустя мгновение Исер шутливым тоном разрядил напряжение:

— О, меня арестовали.

Исер с развязной улыбкой поднял руки, имитируя сдачу перед Линь Хуайшэном.

Линь Хуайшэн не понимал, что они затеяли. Он оставался напряженным, но больше не слышал от Исера недружелюбных слов. То, как спрятавшийся в углу ягненок тихонько выдохнул, не укрылось от глаз обоих мужчин.

В полдень С пришел снова.

Линь Хуайшэн теперь был крайне чувствителен к звуку открывающейся двери. Он сразу же повернул голову, и радость на его лице была совершенно искренней. Он только собрался на ощупь подняться, как С уже оказался перед ним, но обратился не к нему.

— Лион, он мой.

С обхватил Линь Хуайшэна за плечи, и под его нажимом юноше пришлось прислониться к нему.

Ягненка так сильно прижали к себе, что он пошатнулся. В этом жесте было полно собственничества и одновременно желания защитить. Линь Хуайшэн находился в зоне полного контроля С, и тот мог гарантировать, что ничего непредвиденного не случится.

С окинул взглядом оставшихся двоих, задержал взор на Арнольде и предложил сообщнику:

— Можешь выбрать его.

Мускулистый громила по имени Лион проворчал:

— Делай что хочешь, С, но и ты не лезь в мои дела.

Несмотря на ворчание, он явно прислушался к совету и выбрал Арнольда, намереваясь как следует его проучить. Лион поднял Арнольда, осматривая его, словно скот, оценивая, насколько тот вынослив и будет ли с ним интересно.

— Ничего, если я его прикончу?

С обернулся на вопрос.

Пленник по имени Исер не мог сдержать ярости и ненависти, но тот, кому в руках Лиона грозила смерть, напротив, проявил крайнюю сдержанность. С видел лишь плотно сжатые губы Арнольда, глаз же его он прочесть не мог. Разглядев в этом германце терпение, выдержку и выдающиеся физические данные, С холодно усмехнулся.

— Как хочешь.

Бросив эти слова, он собрался увести Линь Хуайшэна.

Но вдруг С обнаружил, что не может сдвинуть его с места.

Казалось бы, это просто ягненок — слабый, беспомощный, готовый на заклатие, — но он замер, не желая идти, и пастуший кнут никогда не опускался на его спину. Он создавал впечатление, будто сам выбирает свой путь.

С не заметил, как его собственные губы сжались в тонкую линию.

— Что такое?

Это были единственные глаза, которые С мог наблюдать. Мужчина, пользуясь преимуществом в росте, склонил голову, пытаясь разглядеть что-то в глубине, но видел лишь туманный взгляд ягненка. Он ничего не видел, не мог добиться никаких эмоций.

С внезапно подумал: какими были глаза Линь Хуайшэна до того, как он ослеп? Он не мог вспомнить. Все, что у него было — это пара безжизненных глаз, в которых отражался только он сам, полные обожания. Только это. Но как С мог смириться с тем, что в глазах ягненка больше не будет его? С хотел, чтобы даже ослепший Линь Хуайшэн всегда искал его взглядом. На что

смотрит ягненок? Ему даже захотелось развернуть лицо Линь Хуайшэна к себе, чтобы тот смотрел только на него.

Но вскоре Линь Хуайшэн спрятал лицо у него на плече. Это был признак страха: он словно знал, что скоро случится что-то ужасное. Когда он вернется в эту комнату, один из его товарищей исчезнет навсегда.

Маленький агнец уже скорбел, коря себя за бессилие и трусость. Линь Хуайшэн вцепился в рукав С — тот чувствовал, с какой силой он это делает, — но голос его звучал невнятно:

— ...Ничего.

С пожалел его.

В этот момент он неожиданно почувствовал близость к своему ягненку. Ему даже захотелось, чтобы Линь Хуайшэн не был ягненком — возможно, так было бы лучше.

— Пошли.

Позвал его С.

Линь Хуайшэн отозвался. Ветки с него сняли, трости не было, и мужчина оставался его единственным ориентиром, поэтому Линь Хуайшэн во всем полагался на С. Тот чувствовал, как юноша держится за его рукав, и, конечно, чувствовал, как Линь Хуайшэн с тоской обернулся напоследок. Это была черта ягненка, и в то же время черта святого. С вдруг почувствовал, что больше не может этого выносить.

Он решил: развернул голову Линь Хуайшэна обратно, не позволяя оглядываться.

— Пошли.

Мужчина повторил снова. Линь Хуайшэн уловил в его голосе сдержанное недовольство — он всегда мастерски улавливал настроение господина похитителя. В этот раз он больше не обернулся.

Но этого было достаточно.

Прижимаясь к руке С, Линь Хуайшэн спрятал лицо в его рукаве, и из глаз выкатилась слеза.

Постоянно играть роль слепого заложника перед похитителем — все равно что идти по канату над пропастью: страшно и захватывающе. Сердце Линь Хуайшэна выдерживало, но больше

всего доставалось глазам. Как сейчас — невольно выступили слезы от напряжения. В этом сценарии он должен быть слепцом, но ему жизненно необходим сообщник, который сможет сделать то, что недоступно слепому.

Что ж, остается надеяться, что этот сообщник достаточно умен.

И что он выживет.

<http://bllate.org/book/20559/2054834>